

УДК 94(47).084.3

ШАЛАЕВА Надежда Владимировна –

к.и.н., доцент; доцент кафедры социально-гуманитарных наук Саратовского государственного аграрного университета им. Н.И. Вавилова
nadejda-hist@yandex.ru

ПЕРСОНИФИКАЦИЯ ОБРАЗА ВЛАСТИ В СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ 1920-х гг.

В статье на основе архивного материала и воспоминаний современников рассмотрен процесс персонификации образа власти в первые послереволюционные годы. В эпоху революции и Гражданской войны в партии большевиков было несколько вождей, среди которых лидирующую позицию занимал В.И. Ленин. За короткий период времени имя В.И. Ленина в общественном сознании стало ассоциироваться с властью, а в начале 1920-х гг. уже обозначились черты культа вождя. На основе сравнения архивных и опубликованных источников личного происхождения показана диалектика генезиса культа В.И. Ленина как вождя.

Ключевые слова: политическая культура; революция; Гражданская война; образ власти; культ вождя; субботник; В.И. Ленин.

In the article the process of power image personification in the period of the post-revolutionary years is examined on the base of archive data and memoirs of contemporaries.

In the period of revolution and civil war the Bolsheviks party had several leaders among whom V.I. Lenin played the key role. The name of V.I. Lenin had become synonymous with the authority in the public consciousness for a short period of time. At the beginning of 1920s the features of leader's cult became visible. The dialectics of genesis of V. Lenin's cult as a leader is shown by comparison of archival and personal origin public sources.

Keywords: political culture; revolution; civil war; image of authorities; cult of personality; weekend cleaning; V.I. Lenin.

При изучении проблемы культа политического лидера или вождя встает вопрос об истоках и возможной точке отсчета этого явления. Где, когда и при каких обстоятельствах начинается процесс персонификации советской власти в образе В.И. Ленина? Конечно, однозначно на этот вопрос ответить невозможно. Скорее можно говорить о череде последовательных событий, итогом которых стал факт восприятия власти через конкретную личность.

В.И. Ленин до весны 1917 г. не был широко известен среди рабочих и солдат, но имел большую популярность в партийных кругах как один из основателей партии, идейный лидер большевизма. О его высоком авторитете писали не только соратники, но и политические оппоненты [Валентинов 1993; Суханов 1922]. Н. Валентинов в своих воспоминаниях говорил о В.И. Ленине как единственном руководителе Октябрьских событий 1917 г., противопоставляя его Л.Д. Троцкому. Н. Валентинов не только ставил авторитет В.И. Ленина выше авторитета Л.Д. Троцкого, но и обозначил его роль как роль лидера, бесспорного руко-

водителя и идейного вдохновителя событий 1917 г.

К лету 1917 г. В.И. Ленин был достаточно известен и в солдатской среде благодаря своему участию в создании газеты «Солдатская правда»¹. Отношение в обществе к В.И. Ленину в 1917–1924 гг. постоянно эволюционировало. Можно выделить периоды достаточно критического отношения к нему, что было вызвано этапами борьбы за власть (1917 г.), продолжением войны (1917–1918 гг.) и политикой «военного коммунизма» (1918–1921 гг.). Сложность внутриполитической ситуации, голод и разруха, несмотря на репрезентативные устремления власти по формированию позитивного образа, не позволяли формировать культ В.И. Ленина в том смысле, как об этом пишет Н. Тумаркин [Тумаркин 1999].

Летом–осенью 1917 г. в письмах солдат встречаются негативные высказывания по отношению к большевикам и их лидеру В.И. Ленину, критика их политической позиции и предлагаемых мер борьбы,

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 4. Оп. 2. д. 174.

обвинения большевиков в провокациях и разжигании вражды¹. В 1918–1921 гг. рабочих, крестьян, обывателей, пишущих письма власти, можно условно разделить на три группы: сторонников, противников и тех, кто занимает нейтральную по отношению к власти позицию. Председатель орловского Совета в письме к В.И. Ленину, говоря о настроении крестьян, писал: «В Москву из Орла посланы тайные агенты с поручением убить доступными способами Ленина, Троцкого и Мирбаха»². В других письмах явно звучит ирония в отношении В.И. Ленина: «Здравствуй великий предводитель Российского пролетариата тов. Ленин. Знаешь ли ты, сидя в своем гнезде в московском Кремле, окруженный зубчатыми стенами, ведаешь ли твое умное чело как поживает твой подвластный народ...»³. Безусловно, проблема негативного отношения к власти в сознании крестьян вызвала необходимость формирования положительной репрезентации, т.к. сложившаяся ситуация грозила потерей легитимности в изначально мало лояльной сельской среде.

Анализируя революционный период, необходимо отметить эволюцию В.И. Ленина как политика. В период первых двух лет советской власти В.И. Ленин еще сохранял черты революционера, уверенного в правильности революционных методов управления государством: «Ленин осуществлял верховное руководство не как глава правительства, а как партийный вождь» [Такер 1991: 91]. По мнению Р. Такера, в первые месяцы революции ему приходилось постоянно вступать в полемику с соратниками по партии, рассеивать сомнения, отклонять возражения, подчинять «Камeneвых, Бухариных». Во всех газетах постоянно публиковались постановления Совнаркома за подписью В.И. Ленина, его теоретические работы и т.д. В результате уже к концу 1918 г. авторитет В.И. Ленина был поднят на необыкновенную высоту. Имя В.И. Ленина становится известным во всех уголках

страны, о чем свидетельствуют письма к власти, датируемые 1918 г.⁴

Уже весной 1918 г. были предприняты первые шаги по пути персонификации власти. Во время празднования годовщины Октябрьских событий 1917 г., ставшей официальным государственным праздником Советской республики, были выпущены памятные жетоны с первым, ставшим широко известным изображением В.И. Ленина, благодаря которым многие узнали, как выглядит председатель Совнаркома. Это были самые первые прижизненные портреты В.И. Ленина. На лицевой стороне жетона находилось погрудное изображение вождя. Внизу по ободку его автограф: «В. Ульянов /Ленин/ 31 янв. 1918 г.». На оборотной стороне в центре жетона помещена пятиконечная звезда с вписанными в нее плугом и молотом с датой «1917–1918 X/25». По окружности надпись: «РСФСР. В память 1-й годовщины» [Аверс 1997: 173].

Другим событием, послужившим началом возвеличивания В.И. Ленина, стало покушение на него Ф. Каплан, что в глазах простых людей сделало председателя Совнаркома жертвой империализма. Газеты активно использовали тему покушения на вождя, формируя в сознании людей мысль о том, что это было покушение на революцию и свободы, ею завоеванные. Эта мощная агитационная по сути работа дала вполне положительный эффект. Простые люди стали проявлять к В.И. Ленину не просто интерес, а человеческое сочувствие. Они отправляли ему посылки с продовольствием, чтобы он быстрее выздоравливал [Балабанова 2007].

Соратники В.И. Ленина также способствовали процессу персонификации образа власти в его лице. Уже в 1918 г. Л.Д. Троцкий и Г.Е. Зиновьев наделяли В.И. Ленина титулами «провидца», «апостола мировой революции», а определение американского фантаста Г. Уэллса — «кремлевский мечтатель» — стало символом устремлений советской власти, сконцентрированной в воле одного человека. Фигура В.И. Ленина достаточно быстро приобретает знаковый характер и начинает ассоциироваться с образом власти, персонифицируемой в личности вождя.

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1244. Оп. 2. Д. 36, Л. 5, 7, 8, 11, 12, 21(об), 30, 34.

² Голос народа: письма и отклики рядовых советских граждан на события 1918–1932 гг. М.: РОССПЭН. 1998. 326 с. Доступ: http://www.fedydiary.ru/?page_id=5873 (проверено 11. 07. 2010).

³ Там же.

⁴ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 396. Оп. 1; РГАЭ. Ф. 396. Оп. 2.

В.И. Ленин – олицетворение революции, рабочего класса и мировой революции.

Г.Е. Зиновьев, вспоминая в 1923 г. покушение на В.И. Ленина, подчеркивает заботу соратников и их беспокойство о жизни и здоровье своего вождя. Закончил воспоминания он на высокой патетической ноте. «Как мать еще более горячо полюбит сына после постигшей его большой опасности, так страна наша – да и рабочие всего мира – еще больше, еще беззаветнее полюбили Владимира Ильича после той опасности, которая угрожала ему в первые дни сентября 1918 года» [Зиновьев 1923: 7].

В первые дни после покушения на В.И. Ленина в официальной прессе было опубликовано огромное число писем и обращений рабочих, крестьян и солдат, беспокоящихся о его здоровье, регулярно печатались бюллетени о здоровье вождя и т.д. [Беднота 1918б]. По словам В.Д. Бонч-Бруевича, В.И. Ленин недовольно заметил, что он против возвеличивания его личности. «Зачем это? ...Мне тяжело читать газеты... Я считаю крайне вредным это совершенно немарксистское выпячивание личности... Я понимаю, – продолжал он, – что все это товарищи делают от доброго чувства ко мне, но не надо этим злоупотреблять и отвлекать внимание масс к событиям, касающимся одной личности» [Бонч-Бруевич 1963: 294]. В прессе появляются статьи, стихотворения, посвященные В.И. Ленину и рассматривающие его как революционного апостола, как святого, принявшего мучения за дело революции. Так, например, в газете «Беднота», с середины 1918 г. ориентированной исключительно на крестьянство, до покушения на вождя не было статей, связанных с его политической и государственной деятельностью, не печатались его портреты. Выпуск же газеты от 31 августа 1918 г. практически полностью был посвящен покушению на вождя. На первых полосах всех центральных газет огромным шрифтом было напечатано: «Покушение на Владимира Ильича Ленина». Но в газете «Беднота» имя Владимира Ильича стояло в одном ряду с именами других лидеров большевиков. «Готовились убить Зиновьева! Убили Володарского! Урицкого!.. Тебе хотят снять голову, рабочий народ! Лучших твоих вождей хотят отнять у тебя!» В другой статье говорилось о том, что рабочий

класс еще теснее сомкнет свои ряды и на смену убитым вождям придут новые [Беднота 1918а].

Документы, хранящиеся в отечественных центральных архивах, свидетельствуют о вполне прагматичном подходе предсовнаркома к вопросам собственной репрезентативности. Обращенность к пролетарско-крестьянским массам, направленная на формирование позитивного образа власти и пропаганду идей большевизма, советского строя, не могла достигнуть своей цели в силу коммуникативной ограниченности (отсутствия технических средств коммуникации). Во время первомайских празднеств 1918 г. В.И. Ленину приходилось выступать сразу в нескольких местах, принимать участие в закладке или открытии практически всех первых памятников монументальной пропаганды. Но даже это не делало его широко популярным в масштабах всей страны. Для утверждения образа вождя власть начала активно прибегать к кинематографу как средству распространения и тиражирования поставленных репрезентативных задач.

В традиционной лениниане была сформирована мифологема о случайности кинематографических съемок вождя революции. Особенно ярко этот миф был развит в истории о субботнике по заготовке дров, проведенном в начале 1919 г. на Красной площади. В.И. Ленина практически всегда (в т.ч. и его похороны) снимал один и тот же человек – Г.В. Гибер, советский кинематографист-документалист. Многие заснятые им кадры впоследствии вошли в фильмы «Ленин в Октябре» и «Владимир Ильич Ленин»¹.

Г.В. Гибер часто приглашали специально для съемок мероприятий разного характера, в т.ч. и субботника в январе 1919 г. на Красной площади. В.И. Ленин хорошо знал, что его снимают. По словам кинооператора, В.И. Ленин даже мог руководить съемкой, показывая кого (солдат, рабочих) или что (снятие памятника Александру II с постамента) надо запечатлеть на пленке². Такое поведение вождя он трактовал с позиции его скромности и нежелания демонстрировать себя на первом плане.

Г.В. Гибер писал свои воспомина-

¹ РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 2. д. 415

² Там же. Л. 4–4(об).

ния уже после Великой Отечественной войны, признаваясь, что в его памяти стерты детали ситуаций и разговоров, что он передает только общий их смысл. Его рассказ о проведении субботника в январе 1919 г. оставляет четкое осознание того, что само мероприятие — хорошо спланированная акция, т.к. оператору сообщили о том, когда из Кремля на площадь выйдут В.И. Ленин, Н.К. Крупская, М.И. Калинин, М.И. Ульянова и другие. Г.В. Гиберу явно было поручено снимать в первую очередь В.И. Ленина. «Владимир Ильич первым подхватил большое бревно и быстро понес его к козлам для распила. Я переменял место, чтобы оказаться ближе к Ленину. Владимир Ильич скинул бревно с плеча, снял шапку-ушанку и вытер платком голову, с которой шел пар»¹. Конечно, в воспоминаниях оператора просматривается уже сформированный культ вождя и в дальнейшем одна из созданных ленининой его ипостасей — образ богатыря.

Другой субботник — 1 мая 1920 г. — был в еще большей степени мифологизирован, обрастая, как и всякий миф, различного рода преданиями и подробностями. При общей схожести рассказов о первомайском субботнике и участии в нем Владимира Ильича детализация и эмоциональная сторона воспоминаний существенно отличаются². Так, например, в большинстве воспоминаний говорилось о неожиданном для курсантов, работавших на Красной площади, появлении Владимира Ильича и его желании принять участие в субботнике.

Интерес представляют воспоминания о первомайском субботнике комиссара кремлевских курсов И.И. Борисова. Было найдено два варианта изложения им этих событий, одно из которых (автограф) хранится в архиве³, а второе было опубликовано в 1930 г. [Борисов 1929: 109-113]. В рукописи он писал о том, что знал об участии В.И. Ленина в субботнике: «В это время мне докладывали, что с нами будет работать тов. Ленин»⁴. Опубликованный рассказ И.И. Борисова в большей степени схож в деталях с воспоминаниями Г.С. Антонова, которые также существуют в двух вариантах — как автограф и машино-

писный текст⁵. Машинописный вариант Г.С. Антонова явно написан для официальной публикации. Если в автографе подтверждаются сведения комиссара кремлевских курсов об участии В.И. Ленина в субботнике⁶, то в машинописном тексте говорится: «Ленин вышел из здания Совнаркома неожиданно для всех и прямо направился к нам»⁷. При этом второй вариант воспоминаний оброс подробностями, которые отсутствовали в первом и рукописном рассказе И.И. Борисова, но есть в опубликованном. Например, В.И. Ленин сам встал с курсантами на правом фланге, тогда как его туда определил комиссар курсов. Сомнение вызывают рассказы о том, что предсовнаркома работал наравне со всеми курсантами, перенося тяжести. «Работал он замечательно. Он не ходил, а бегал, перегонял других, торопился, как бы указывая, какая нужна торопливость в работе. Я устал, да и все работающие присели передохнуть», — писал в опубликованном варианте И.И. Борисов [Борисов 1929: 111]. У Г.С. Антонова этот же факт в рукописном варианте был отмечен так: «Тов. Ленин все бегом. Норовил брать все разом...»⁸. Авторы воспоминаний при этом отмечают (даже, можно сказать, подчеркивают) его 50-летний возраст и что он только оправился после болезни⁹. В автографе И.И. Борисова ни слова не говорилось о торопливости В.И. Ленина и его могучем здоровье, только достаточно сдержанное: «И, несмотря на свои пятьдесят лет, тов. Ленин вместе с Комиссаром курсов наравне со всеми ...таскал бревна»¹⁰.

Происхождение фотоснимка — также результат мифологизации ленинского образа. И.М. Борисов писал, что Владимир Ильич отказался от съемки, поэтому было принято решение сфотографировать его незаметно во время работы¹¹. Постепенно участие В.И. Ленина в субботнике обросло новыми подробностями о некоем перерыве, во время которого курсанты разговаривали с вождем¹². Но Владимир Ильич не мог долго находиться на субботнике, т.к.

⁵ РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 74.

⁶ Там же. Л. 1.

⁷ Там же. Л. 7–8.

⁸ Там же. Л. 1(об).

⁹ РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 62, Л. 1. Д. 74, Л. 1(об), 8; Д. 219, Л. 2–2(об).

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 219. Л. 1(об).

¹¹ Там же. Л. 2(об).

¹² РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 74. Л. 1(об), 8–9.

¹ Дрова были заготовлены заранее. См.: РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 415. Л. 46–47.

² РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 62. Д. 74. Д. 219.

³ РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 219.

⁴ Там же. Л. 1.

ему необходимо было в этот день еще ехать на открытие памятника К. Марксу, где он выступал с речью. При этом И.И. Борисов писал о том, что В.И. Ленин работал до половины первого, а Г.С. Антонов — до трех часов дня.

Как и в случае с воспоминаниями Г.В. Гибера, в описании первомайского субботника 1920 г. мы встречаемся с хорошо продуманным и последовательно выстроенным поведением лидера партии и государства. Можно предположить стремление В.И. Ленина сформировать как уважение к власти, так и чувство солидарности с ней, поддержки ее политики, что отражало задачи репрезентации.

Утвердившаяся в ходе революционных событий и Гражданской войны советская власть для простого человека была достаточно абстрактна. В то же время в первое пятилетие существования рабоче-крестьянского государства в структуре власти не был выявлен единственный носитель власти. Используемый в средствах массовой информации термин «вожди», активное общение с властью посредством писем рабочих и крестьян, обращенных к видным деятелям партии, свидетельствовали о том, что в сознании масс отсутствовала ассоциация власти с конкретным человеком. Но уже к 1922 г. наиболее

ярким и всеобъемлющим персонификатором власти становится В.И. Ленин.

Первоначально задачи репрезентации требовали от В.И. Ленина физического присутствия на всех мероприятиях государственного характера и масштаба. Этот, по выражению М.Б. Ямпольского, так называемый физический символизм был связан с идеей успешности и победы большевиков, их силы и могущества [Ямпольский 2004]. Но постепенно в ходе процесса персонификации и мифологизации образа власти физическое присутствие заменяется изображениями, символами, ритуалами.

В результате активного процесса персонификации образа власти в имени В.И. Ленина уже к 1924 г. сложились основные иконографические образы вождя и связанные с его именем мифологемы, которые после его смерти окончательно утвердились в сознании и психологии простых людей. В зависимости от ситуации и возраста читателя, зрителя, слушателя, которого знакомили с именем В.И. Ленина, выделяются основные его образы: вождь мирового пролетариата и партии большевиков; пламенный революционер и борец за освобождение рабочего класса; государственный деятель и политический провидец.

Литература

- Аверс № 2. 1997. Советские знаки и жетоны. Каталог. М.: Аверс, 191 с.
- Балабанова А. 2007. *Моя жизнь — борьба. Мемуары русской социалкистки. 1897–1937*. М.: Центрполиграф, 336 с. Доступ: <http://www.http://territa.ru/load/1-1-0-4608> (проверено 25.03.2011).
- Беднота*. 1918а. 31 августа.
- Беднота*. 1918б. 1–4 сентября.
- Бонч-Бруевич В.Д. 1963. Три покушения на Ленина. — *Избранные сочинения*. В 3 т. М.: Изд. АН СССР. Т. 3. 359 с.
- Борисов И.М. 1929. Тов. Ленин на субботнике. — *Простое в великом. Сборник рассказов об Ильиче*. Стенографические записи. М.-Л.: Московский рабочий. С. 109–113.
- Валентинов Н. 1993. Встречи с Лениным. — *Недорисованный портрет*. М.: Терра, 560 с.
- Зиновьев Г. 1923. Покушение на Ленина. — *Прожектор*, № 14. С. 7.
- Суханов Н. 1922. *Записки о революции*. Берлин; Петербург; Москва. Т. 3, 419 с.
- Такер. Р. 1991. *Сталин. Путь к власти. 1879–1929. История и личность*. М.: Прогресс, 480 с.
- Тумаркин Н. 1999. *Ленин жив! Культ Ленина в Советской России*. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 285 с.
- Ямпольский М. 2004. *Физиология символического. Возвращение Левиафана: Политическая теология, репрезентация власти и конец Старого режима*. М.: Новое литературное обозрение, 800 с.